

Глядя с Горы Оленьих Рогов, Колодец Пустоты казался сапфиром, вставленным в кусок черного шелка. К востоку от Колодца Пустоты лежала Сумеречная Королевская Столица. Большая часть столицы была построена на самом краю Колодца Пустоты. С вершины Горы Оленьих Рогов можно было разглядеть лишь ту часть королевского города, что ютилась прямо над колодцем. Остальная же половина пряталась глубоко в Сумеречном Лесу.

Ин Юэ-Юн Хэн стоял на вершине Горы Оленьих Рогов и всматривался в просторы Пустоты, простиравшиеся за ее склонами. Бескрайняя Пустота медленно пожирала всё вокруг, и за минувшие десятки тысяч лет ей удалось успешно поглотить Горы Оленьих Рогов. Теперь лишь бесчисленные обломки скал плавали в пустом, зияющем небытии. Некогда блистательный Храм Оленьих Рогов ныне висел на одинокой каменной глыбе среди Пустоты, и от него остались лишь несколько гигантских колонн да пара вздымающихся к небу каменных стен — очевидно, трем богиням не было никакого дела до собственного святилища.

Ин Юэ вновь перевел взгляд на Колодец Пустоты. На южном берегу, у самого края Леса Отчаяния, смутно виднелся храм Богини Отчаяния. Высокая Лунная Башня возвышалась над кронами деревьев, напоминая гигантский белый дождевик, пробившийся сквозь темно-зеленую траву.

Ин Юэ вздохнул и поднял глаза к небу: густые серо-голубые тучи затягивали большую часть небосвода. Вдалеке то и дело вспыхивали молнии, прошивая толщу облаков. Однако на вершине горы, помимо заунывного завывания ветра, не было слышно ни единого раската грома.

Ин Юэ слегка встряхнул бледно-голубыми крыльями Пустоты, прижимая усыпанное звездами оперение к спине, и зашагал по каменистой тропе на вершине Горы Оленьих Рогов в сторону Храма Безмолвной Речи. Храм располагался на полугоре, и к нему вела лишь одна узкая и глубокая каменистая тропа. По обеим сторонам дороги раскинулись заросли деревьев призрачной стопы высотой в несколько чжанов.

В траве под этими деревьями поблескивало множество ярких светло-желтых глаз. То теньевые леопарды выслеживали повелителя Леса Скорби. Эти хитрые хищники отлично знали законы выживания и прекрасно умели отличать одиноких изгнанников от опасных охотников. Издалека наблюдая за Ин Юэ, они не смели даже приблизиться. На ветвях деревьев призрачной стопы обитало бесчисленное множество воронов. Эти искаженные Пустотой создания наполовину состояли из плоти, а наполовину — из самой Пустоты; их тела излучали глубокое синеватое свечение, и то и дело раздавалось их пронзительное, каркающее эхо.

Минуви извилистую горную тропку, Ин Юэ вышел к небольшому алтарю. Алтарь был предельно прост: всего лишь сложенный из камня жертвенный стол, на котором стояли три каменные чаши с зубами, глазами и сердцами теньевых леопардов. Позади стола находился небольшой водоем Пустоты шириной всего в три чи, наполненный водой из самого Колодца Пустоты. Заключенная в воде арканная магия источала тусклое голубоватое свечение.

Подобные алтари воздвигли сумеречные эльфы, расселившиеся по Горам Оленьих Рогов после того, как Сумеречный Храм был поглощен Пустотой. С тех пор как вход в Храм Безмолвной

Речи закрылся для простых смертных, те стали повсюду в горах обустройства такие скромные алтари. В конце концов, высокие стены могли разделить тела, но они были бессильны преградить путь вере. Простолюдинам тоже нужно было возносить молитвы и обращаться с просьбами к богиням.

Медленно подойдя ближе, Ин Юэ увидел, что перед алтарем на коленях стоит Чжуй Син-Сумеречный. Скрестив руки на груди, он возносил молитву Богине Скорби. Чжуй Син был брошенным младенцем, которого Ин Юэ подобрал у самого Колодца Пустоты. В Сумеречном Лесу подобное случалось крайне редко — сумеречные эльфы никогда не бросали собственных детей. И тем не менее родители Чжуй Син отреклись от него.

Когда его нашли, он был совершенно гол, и при нем не было ничего, что могло бы пролить свет на его происхождение. На вид он ничем не отличался от любого другого младенца сумеречных эльфов: белоснежная кожа, ледяно-голубые глаза, копна темно-фиолетовых волос. Он лежал в траве, без усталости дрыгая пухлыми короткими ножками в сторону хмурого неба. Его уже обнаружил детеныш теневого леопарда, но у малыша еще не хватало опыта охоты: кружа рядом и издавая утробное урчание, он лишь нерешительно примерялся к новой добыче.

Ин Юэ, гулявший по Сумеречному Лесу ради успокоения души, услышал рычание зверя. Он прогнал леопарда и подобрал крошечное создание, еще совершенно не ведавшее об опасности. Почти все сумеречные эльфы насмеялись над этим найденышем с темным прошлым. Он рос среди презрения и пренебрежения. Надолго замкнувшись в себе, он почти ни с кем не делился своими мыслями, становясь все более одиноким и упрямым. Однако этот сирота снискал благосклонность и благословение богинь: обучая юношу, Ин Юэ обнаружил у него невероятную, поразительную склонность к теням и арканам. Ему даже не требовалось черпать энергию из Колодца Пустоты, чтобы сотворить мощные заклинания арканной магии и теней.

Заметив приближение Ин Юэ, Чжуй Син быстро поднялся на ноги, но не бросился навстречу, а лишь тихо посмотрел на него. Ин Юэ казалось, что он может прочесть в глазах юноши все его мысли. Кивнув Чжуй Син, он с крайним недоумением спросил:

— Что ты здесь делаешь? Ждал, пока я вернусь?

— Сумеречный Владыка ждет вас, — голос Чжуй Сина звучал совершенно спокойно. Каждое произнесенное им слово звучало так, будто он зачитывал чужое письмо из дома — каким бы потрясающим или искренним ни было его содержание, казалось, самого юношу это совершенно не касалось. — Он в главном зале Храма Безмолвной Речи. Ждет уже почти целый ритуал-день.

Ин Юэ испуганно вздрогнул:

— Тогда почему ты не поднялся в горы и не позвал меня? Ты же знал, где я! Свидетельствую богинями, у отца наверняка случилось что-то срочное! Иначе он не стал бы сам являться на Гору Оленьих Рогов!

— Да, я знал, где вы находитесь, — на лице Чжуй Сина не было и следа спешки. — Сумеречный Владыка тоже знал. Но он не стал никого посылать за вами. Он попросил жрецов храма приготовить для него горячий грибной суп и сушеные плоды призрачной стопы. Он собирается

ждать столько, сколько потребуется.

Ин Юэ на мгновение замер, но быстро взял себя в руки:

— Брат приехал?

— Полагаю, нет. Я слышал, как стражники обсуждали, что старший принц все еще воюет с призракными эльфами за Затерянную Бездну. Призрачные эльфы добились подкрепления, и там сейчас жарко. Боюсь, он не сможет приехать.

Ин Юэ кивнул, расправил крылья и взмыл в воздух. Его крылья Пустоты наполовину состояли из плоти, а наполовину — из нематериальной субстанции, причем кожистые перепонки были усеяны кристально чистыми синими перьями, среди которых плотным роем мерцал звездный свет. Чжуй Син взмахнул крыльями и последовал за ним. Чжуй Син был высок и казался едва ли не сильнее любого из королевских гвардейцев. В полете он напоминал горного гигантского орла.

От безымянного алтаря до Храма Безмолвной Речи пешком пришлось бы шагать добрых день-два, но на крыльях путь занимал меньше четверти часа. Скользя по воздуху, Ин Юэ приземлился на высокую внешнюю стену Храма Безмолвной Речи. Стражники храма узнали его звездные крылья, и никто не смел кричать на них. Каждые три чжана на крепостной стене были установлены баллисты. Достигающие в высоту одного чжана, они могли как выпускать тучи стрел, так и метать огромные камни Пустоты. Позади каждой баллисты стояли по два стража в арканых доспехах.

Арканые доспехи возвышались над эльфами по меньшей мере на три головы и были выкованы из железа Пустоты. Эти латы имели человекоподобную форму и выглядели так, будто мощные воины облачены в стальные латы. В их груди бились сердца арканов, выкованные сумеречными магами. Сердца арканов копировали воспоминания воинов-сумеречных эльфов, наделяя их разумом и способностью чувствовать. Плечом к плечу они стояли на стенах, подобно живым воинам, и так же тихо переговаривались друг с другом. Вот только если воины на досуге судачили о тоске по дому или о хорошем вине, то эти боевые механизмы обсуждали осколки воспоминаний, оставленные павшими воинами.

В зубцах крепостной стены стоял командир автоматов, высматривая что-то вдалеке. Командиры превосходили обычные доспехи по размерам в несколько раз. Если они замирали на месте, то походили на двухэтажные железные башни. Заключение в их груди сердца арканов источали ослепительно-синее сияние, отчего те казались пылающими печами. Стражники-сумеречные эльфы храма были облачены в золото-красные одежды и золотистые кольчужные жилеты, а в руках держали золотые посохи королевских сумеречных магов. Парами они патрулировали высокие стены храма — как изнутри, так и снаружи.

Приземлившись на крепостную стену, Ин Юэ на мгновение замер в нерешительности: вместо того чтобы лететь прямо к главному залу, он направился на платформу жрецов. Изначально она служила жилищем для храмовых жрецов, но Ин Юэ переоборудовал ее в командный пункт гарнизона. Офицеры гарнизона занимали первый и второй этажи платформы, а самый маленький третий этаж был превращен в зал стратегического планирования. Несколько

жрецов добровольно переселились в сад, поселившись рядом с садовниками.

На платформе располагалась очень широкая терраса. По обеим сторонам от нее стояли кадки с семифутовыми переплетенными красными деревьями. Между кадками находился длинный деревянный стол бурого цвета, сплошь заваленный толстыми книгами в красных переплетах. Когда-то Ин Юэ очень любил читать здесь книги. Потягивая цветочный чай из призрачной стопы с Горы Оленьих Рогов и изучая фолианты из храмовых архивов, он наслаждался покоем и уютом. Но с тех пор как патрули обнаружили в горах следы Эльфов Пепла, у Ин Юэ больше не выпадало возможности спокойно присесть и полистать древние тома.

Мягко опустившись на террасу, Ин Юэ застал в зале великого генерала гарнизона Храма Безмолвной Речи — Бин Юй-Цюй Цуй. Генерал Бин Юй, нахмутив брови, выводил письмо на розовато-желтой душистой бумаге. Генерал отличался на редкость крупным и мощным телосложением; в отличие от большинства эльфов, он начал отпускать бороду еще до женатства, тем самым заявляя миру о своем выборе — впрочем, будучи первенцем в семье Цюй Цуй, он вряд ли мог стать женщиной.

Эта картина была до боли знакома Ин Юэ. Генерал Бин Юй горячо желал заключить брак с родом Хунъюй и написал бесчисленное множество страстных любовных писем Цзы Янь Хунъюй. Однако, судя по всему, Цзы Янь, возможно, и не против был побыть женщиной, но вот становиться женой генерала Бин Юя не желал решительно. Поначалу из вежливости он еще изредка отвечал, но последние пару сотен лет не присылал ни строчки. У генерала же были свои гордость и достоинство: он неизменно писал по письму каждые три дня. Ин Юэ тайком заглядывал в те послания пару раз, и оба раза генерал изливал Цзы Янь свою скорбь и отчаяние: Я словно мерцающий в арканном водовороте звездный свет, что готов угаснуть в любую минуту. Это казалось Ин Юэ невероятным; он никак не мог взять в толк, кто же сидит у него в подчинении — менестрель или кавалерийский генерал.

Мучимый тревогами о том, как бы составить еще более романтическое и вычурное любовное послание, генерал Бин Юй, заведя опустившихся на террасу Ин Юэ и Чжуй Сина, бросил гусиное перо и вскочил на ноги:

— Ваша Высочество! Как вы здесь оказались? Неужели вы не знаете...

Слегка улыбнувшись, Ин Юэ ответил:

— Знаю.

Подойдя ближе, он заглянул через плечо генерала в его черновик:

— ...Черт побери, у меня больше не осталось слов, чтобы выразить свое восхищение и любовь к вам...

Кто бы ни писал любовные письма одному и тому же человеку на протяжении сотен лет, если у него еще остаются слова для пустого словоблудия, это и вправду чертовщина.

Выдав из себя улыбку, Бин Юй свернул любовное послание:

— Раз уж вы знаете, что Владыка ждет вас...

— Я лишь хотел еще раз убедиться насчет Эльфов Пепла, — вид у Ин Юэ был несколько встревоженный. — Не понимаю, с чего бы ему являться сюда.

— Владыка не вызывал меня, — генерал развел руками. — И не просил готовить отчет об Эльфах Пепла.

Генерал был озадачен не меньше и потрепал себя за бороду:

— Да, мы обнаружили нескольких Эльфов Пепла. Но все они — дряхлые, доживающие свой век создания. Ничто не указывает на то, что они готовят войну. Они живут в Расколоте Пустоте уже десятки тысяч лет. Если бы они хотели прийти, то давно бы уже выступили.

Нахмурившись, Ин Юэ задал еще несколько вопросов касательно патрулей, тренировок и военной экипировки, после чего распрощался с генералом, собираясь направиться в главный зал на встречу с благородным Сумеречным Владыкой. Проводя взглядом удаляющегося Ин Юэ, Бин Юй живо сочувствовал его напряжению и трепету — у самого генерала тоже был суровый отец, который чаще всего говорил ему о долге и чести.

Доблетев до главного зала, Ин Юэ поправил одежду, поднял голову, откашлялся и неторопливо зашагал по ступеням. На площадке перед главным залом дежурило несколько королевских гвардейцев. Издалека увидев принца Ин Юэ, они опустили на одно колено и почтительно прижали правую руку к груди, склонив головы в приветствии. Поглощенный мыслями об отцовских намерениях, Ин Юэ лишь кивнул им, не став, как обычно, поднимать их за руки, и направился напрямик в главный зал.

Стены главного зала украшали росписи, повествующие о Первородной Войне. Первая фреска у входа изображала сцену раскола эльфов Пустоты. Зияющее ничто разорвало искривленную Пустоту, и тени с арканами истощили обитателей изнаночного мира. Восточная часть континента Пустоты погрузилась в полое ничто, превратившись в Расколотую Пустоту. Эльфы Расколотой Пустоты, измученные и развращенные арканной энергией, обратились в Эльфов Пепла. Их крылья обгорели и напоминали ободранные палки, покрытые лохмотьями; поверх потрепанных крыльев полыхало жгучее пламя арканов, а сами они были окутаны пеплом и искрами. Эльфы же на уцелевшей части континента оказались объаты темной силой теней: их небо потемнело, мир озарялся вспышками молний, а собственные крылья сделались огромными и прозрачными, напоминая пару исполинских синих хрустальных когтей, укрытых полупрозрачной дымкой синеватой вуали.

Хотя Ин Юэ входил в этот главный зал бесчисленное количество раз и прежде никогда не обращал внимания на настенные росписи, сейчас он почему-то разглядел их с поразительной четкостью. Сделав еще пару шагов, он задрал голову: на хрустальном куполе было выписано изображение Бога Пустоты. Тот был облачен в черный плащ, скрывавший его лицо и фигуру, а на месте глаз сияли две вспышки бледно-голубого арканного пламени. Позади его головы сиял белый венец, словно возвещаая миру о его милосердии и снисхождении.